

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ В МЫСЛИ МАКСА ВЕБЕРА

Троицкий Константин Евгеньевич*

Сектор этики, Институт философии Российской академии наук,
ул. Волхонка, 14/5, Москва, 119991, Россия

Электронный адрес: konztant@inbox.ru

Статья подана 22.06.2014

Аннотация — Сложившаяся привычка восприятия Макса Вебера как социолога, историка культуры, политика, реже как экономиста, но почти никогда как философа-этика, мешает увидеть тот факт, что наряду с присутствием в его работах моментов дескриптивной этики, там также встречаются идеи нормативной. Исследование наследия немецкого мыслителя, учитывающее лишь первую сторону, ошибочно побуждает рассматривать его взгляд на мораль исключительно через призму ее исторической и социологической обусловленности в контексте «свободы от оценки». Но это лишь одна из сторон работ Вебера, у немецкого ученого есть мысли об основаниях самой нормативности, а «свобода от оценки» только одна из них. Есть и другие требования, которые могут быть рассмотрены с позиции нормативной этики. Имеются все основания полагать, что именно нормативный момент обуславливает дескриптивный, социолого-исторический, а не наоборот. В этой статье в центр поставлен не методологический, а этический вопрос. В этом отношении становятся особенно важными идеи относительно категорического императива как вершины выражения нормативности. Будет продемонстрировано, что у Вебера имелся не только ряд мыслей по этой теме, но также и то, что позволяет говорить о его собственной версии категорического императива.

Ключевые слова: императив, Кант, Вебер, конфликт, плюрализм, Штраус, Шлюхтер, ценности.

Статья подготовлена в рамках гранта РФНФ № 14-03-00429

---

* © *Троицкий К. Е.* — младший научный сотрудник, Сектор этики, Институт философии Российской академии наук; аспирант, кафедра этики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

THE CATEGORICAL IMPERATIVE IN MAX WEBER'S THOUGHT

Troitskiy Konstantin Evgen'evich*

Department of Ethics, Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences, 14/5 Volkhonka, Moscow,
119991, Russia

e-mail: konztant@inbox.ru

Received June 22, 2014

Abstract — The habit of perception of Max Weber as a sociologist, historian of culture, politician, more rarely as an economist but almost never as an ethicist obscures the fact that along with the ideas of descriptive ethics we can meet in his works also the ideas of normative ethics. An investigation of his heritage only in one side leads incorrectly to consideration his view on morality only through the lenses of its historical and sociological conditionality in the context of «ethical neutrality». However, it is only one side of Weber's works because the German thinker has also ideas concerning justification of normative rules, and «ethical neutrality» is only one of them. There are also other obligations and all of them can be examined from the point of view of normative ethics. There is every reason to believe that the normative moment in Weber's works determines the descriptive, sociological-descriptive one and not vice versa. In this article not a question of methodology is raised up but a question of ethics. In this regard it is important to consider Weber's ideas about the categorical imperative as the expression of normativity. It is demonstrated that Weber not only had a lot of thoughts about this subject but we could try to reconstruct his version of the categorical imperative.

Keywords: Imperative, Kant, Weber, Conflict, Pluralism, Straus, Schluchter, Values.

The paper was funded by RSFH grant № 14-03-00429

---

* © *Troitskiy K. E.* — Junior Researcher, Sector of Ethics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Postgraduate student, Department of Ethics, Moscow State University.

Введение. Философская традиция:
Иммануил Кант — Вильгельм Виндельбанд —
Генрих Риккерт — Георг Зиммель —
Макс Вебер

Влияние Канта и неокантианской традиции на идеи Вебера не подлежит сомнению, реже отмечаются вся глубина и принципиальность различия. Если на уровне некоторых методологических заключений точки расхождения не так бросаются в глаза, что порой позволяет некоторым исследователям называть Вебера неокантианцем (а это неверно), то нельзя этого же сказать об оценке им оснований категорического императива. Именно категорический императив является в определенном смысле центром всех этических построений Канта, его «визитной карточкой» и «опознавательным знаком» для всей последующей традиции. Как известно, категорический императив обладает несколькими существенными качествами: формальность, необходимость (абсолютность), всеобщность. Разные философские течения по-разному поддерживали и атаковали эти бастионы мысли Канта.

Как к ним относился Вебер? С формальным характером, по-видимому, он готов согласиться, иначе нельзя было бы говорить о самодостаточности этики. Ученый понимал, что включение содержательного момента ведет к редукционизму этической мысли, выводимости ее из других областей знания, т. е. в конечном счете к натурализму, который встретил на страницах его работ массу критических замечаний. Необходимость долженствования и абсолютность морального требования разделяются Вебером, но это не необходимость сущего, не закон физической природы. Необходимость в области этики выражается в абсолютности требования. Конечно,

это требование можно проигнорировать, так как оно находится в пространстве свободы, но в таком случае поступок будет аморальным или имморальным. Эти соображения также близки к идеям Канта. Наибольшие сомнения у Вебера вызывает всеобщность категорического императива, а последующая критика этого положения вносит важные коррективы в смысл двух предыдущих качеств.

Для обоснования всеобщности нужна единая основа, из которой представлялось бы возможным выведение единого императива. Этот основополагающий момент является и самым неочевидным. Мыслители традиции Канта по-разному решали эту проблему. Сам родоначальник критической философии постулировал единство разума, а отсюда положение, что категорический императив един для всех разумных существ, даже если это не люди, а инопланетяне. Основатель Баденской школы В. Виндельбанд выводил «нормативное сознание» (*Normalbewußtsein*)¹, где высшие ценности находили свою гармоничную конвергенцию. У его ученика Г. Риккерта фигурирует «сверхиндивидуальный субъект», или «гипотетический субъект», — одна из самых сложных, но в то же время центральных для его построений идея. Все эти концепции стали результатом требования надындивидуального единства, главная их роль заключается в попытке выведения общего морального сознания, которое обеспечивало бы единство и абсолютность морального требования. Важно, что за всеми этими попытками лежит предпосылка *блага* единства.

Вопрос основания, которое позволяло бы ставить и решать этические дилеммы, выработать позитивные требования, перебрасывать мост от одного «морального актора» к иному, от одной культурной традиции к другой, давно волновал мыслителей в области этики. Но только в конце XIX и в начале XX в.,

¹ Перевод немецкого сложносоставного слова «*Normalbewußtsein*» как «нормативное сознание» является условным, но и буквальный перевод «нормальное самосознание» туманен и скорее путает, чем помогает. Перевод «нормативное сознание» используется и в Новой философской энциклопедии, см.: <http://iph.ras.ru/elib/0623.html> (дата обращения: 12.06.2014 г.).

во время удивительных и ужасающих перемен, стала возможна попытка постулировать, с одной стороны, абсолютность требования, с другой стороны, отсутствия единой основы, которая могла бы гарантировать эту абсолютность. Это время, когда в работах Г. Зиммеля формируется представление об «индивидуальном законе», а в политической философии выкристаллизовывается идея плюрализма. Этические идеи, которые опираются на индивидуальный закон, несут с собой критику априорности *блага* всеобщности морального с позиции конкретной целостной личности. Зиммель утверждает, что целое «нельзя, не впадая в бессмыслицу, мыслить “всеобщим”» (Зиммель 2006: 25). А так как всеобщее обеспечивается идеей единого разума, то, следовательно, другим направлением критики становится претензия разумного начала быть единственным определяющим основанием моральной жизни. Зиммель пишет: «Обоснование должного на “разуме” также невозможно: “разум” недостаточно широкий источник для этого» (Там же: 27). Получается, что моральный закон у Канта задает не целостный индивид, но «лишь одна часть его, которая представляет в нем сверхиндивидуальный разум» (Там же: 32). Всеобщность, согласно Зиммелю, не охватывает всего, так как не может включать индивидуальное, что тем самым отличается ее от целостности.

Плюрализм идет к тому же, но уже через осмысление общественных институтов. Мысли Вебера обнаруживают близость как к взглядам Зиммеля, так и к основным посылкам плюрализма². Но, если первое сформировалось и получило развитие учеными индивидуалистами³, то второе стало преимущественно плодом осмысления развивающихся политических

---

² Например, английский специалист в области политической философии Петер Лассман начинает свою книгу о плюрализме именно с изложения взглядов Макса Вебера, см.: (Lassman 2011).

³ По иронии судьбы оба главных основателя современной вариации «философии поступка» имели проблемы даже с преподавательской деятельностью. История Михаила Бахтина очень хорошо известна в России, Георг Зиммель лишь к концу жизни был допущен к полноценной университетской деятельности.

практик. Вебер находился между тем и другим, что позволило сохранить обе перспективы и увидеть не только их близость, но и противоборствующий характер. Все это способствует пониманию особого места немецкого мыслителя, что особенно заметно в концептуализации им центрального положения идеи борьбы при его осмыслении существенных особенностей нормативности.

Два подхода к попытке реконструкции «категорического императива Макса Вебера»: Лео Штраус и Вольфганг Шлюхтер

В зарубежной исследовательской литературе интеллектуальное наследие Вебера породило множество самых противоречивых интерпретаций. Нет базового согласия по целому комплексу ключевых вопросов: от центральной идеи его работ (если такая вообще присутствует) до их актуальности. Отсутствует единство и в вопросе отношения Вебера к идее категорического императива. Если в гигантском объеме научной литературы в области вебероведения по ряду тем сложно обозреть все взгляды и подходы, то в разбираемой теме ситуация проще. Лишь отдельные исследователи вообще занимались аспектом нормативности этических идей Вебера и очень часто это лишь отрывочные замечания. Например, К. Шваабе говорит о «конце категорического императива» (Schwaabe 2002: 50-51) у Вебера, обосновывая это критикой мыслителем единства разума. Близок к этой позиции М. Маккиннон, который утверждает, что хотя у Вебера был «этический императив в душе» (MacKinnon 2001: 341), но надежды Канта, что разум, а через него «категорический императив как динамическая сила мог бы вести историю вперед и выше к прогрессу» (Там же: 329) разбиваются о проверку историей. Американский исследователь пишет: «Разум разрушается от сил своего собственного творения — материалистического детерминизма капитализма. Отсюда итог расколдовывания Вебера: разум —

иррационален!» (Там же: 330). Но далеко не все вычеркивают идею категорического императива из смыслового центра построений Вебера. П. Хонигсхайм, хорошо знавший немецкого мыслителя лично, пишет: «Базисным элементом его духовной жизни был религиозно обоснованный, этико-категорический императив, который направлял его к двум обязанностям: 1) исследовать научные темы объективно, что значит устранять личную связь и ценностные суждения внутри историко-экономико-социологической сферы, а также 2) принимать индивидуальные решения, оставаясь при этом верным своим убеждениям в сферах религии, этики и политики» (Honigsheim 2006: 4). Ученый считает категорический императив основой всего развития мысли Вебера.

Итак, можно ли найти категорический императив у Вебера, если да, то в чем он заключается и в чем его отличие от понимания Канта? Уже в приведенных выше цитатах можно видеть, что исследователи солидаризируются в отношении выпадения общего законодательствующего разума и акцента на внутреннем, личном характере источника нормативности у Вебера, но наиболее обстоятельно эти вопросы исследовали два крупных немецких ученых: Лео Штраус и Вольфганг Шлюхтер. Несмотря на подчеркивание субъективного момента в качестве отправной точки в размышлениях Вебера об этике, в итоге они пришли почти к полностью противоположным выводам относительно содержательной специфики его идей. Тем важнее коснуться и сопоставить их рассуждения.

Тезисом Штрауса является положение, что отрицание Вебером естественного права подразумевает релятивизм, который «неизбежно ведет к нигилизму» (Штраус 2007: 45). Из-за этого Вебер помещается исследователем в непосредственной близости к Ницше с его «переоценкой ценностей», чем к традиции Канта. В начале своего анализа Штраус выделяет значимость индивидуального выбора для ценностных идей у немецкого ученого: «Достоинство человека заключается в его автономии, т. е. в свободном выборе индивидом своих ценностей» (Там же: 47), из нее выводится «первая формулировка»

для «категорического императива Вебера»: «Должно иметь идеалы» (Там же). Предпринимая попытку реконструкции идей дальше, Штраус подчеркивает отсутствие (как и у Канта) содержательных требований у Вебера и выводит отсюда вторую формулировку: «Следуй Богу или Дьяволу, как угодно, но, какой бы выбор ты ни сделал, делай его всем сердцем, всей душой и изо всех сил» (Там же: 48). Исследователь приходит к резко критическому выводу относительно полученного. Штраус не видит критерия, почему нужно следовать идеалам, почему это предпочтительнее, чем движущие мотивы известных персонажей из «Протестантской этики и духа капитализма», т. е. почему человек страстный и готовый служить в ценностном отношении лучше и выше, чем «бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы» (Вебер 1990а: 207). Отсюда исследователь заключает: «Окончательная формулировка этического принципа Вебера тогда будет следующей: “Должно иметь предпочтения”» (Штраус 2007: 49). Этим самым Штраус хочет продемонстрировать, что в своем существе «категорический императив Вебера» ничем не отличается от произвольного релятивистского принципа, сводящего моральную проблематику на уровень вкусовых предпочтений. В своей работе исследователь заостряет момент негативный, произвольный и иррациональный. Вебер становится важным представителем того западного интеллектуального течения, которое направлялось совсем не туда, куда нужно. Для Штрауса этот путь заканчивался тупиком потерь основ западной традиции и ценностей, а в конечном счете — саморазрушением.

У Шлюхтера «категорический императив Вебера» предстает совершенно в ином свете. Момент негативный становится критическим, произвольный характер меняется на индивидуально-волевой, а иррациональность обращается в рациональность. Исследователь предпринимает фундаментальную попытку реконструкции всего этического и аксиологического мировоззрения Вебера, что занимает порядка двух сотен страниц в первом томе его работы «Религия и руководство

жизнью» (Religion und Lebensführung). Шлюхтер не просто воспроизводит и детально анализирует отдельные идеи Вебера, но он пытается реконструировать или точнее построить этическую и ценностную систему на их основе, которая могла бы предстать актуальной и востребованной не только в исторической перспективе, но и как полноценная альтернатива существующим попыткам выработки современной единой этической концепции. Здесь не место для подробного изложения всей работы известного вебероведа, следует остановиться только на основных положениях, которые касаются непосредственно вопроса категорического императива.

Для Шлюхтера мысль Вебера развивалась в русле идей Канта, имеющая к Ницше не прямое и опосредованное через Зиммеля отношение⁴. Но у ученого из Хайдельберга был и ряд отличий от построений философа из Кенигсберга. Главное расхождение заключается в ориентации первого на волю отдельного индивида, а не на трансцендентальный субъект, как у второго. Важным в интерпретации Шлюхтера является и открытый, диалогичный характер «категорического императива Вебера», что в первую очередь дает о себе знать при подсчете и просчете вперед последствий совершаемого действия. У Канта, за что он подвергался многократно критике, категорический императив выступает закрытым и «обособленным» от последствий, «монотеистичным». С одной стороны, как подчеркивает Шлюхтер, «для Вебера разум более не основывает единство» (Schluchter 1991: 311), рациональное начало служит вспомогательной критической цели, а на первый план выступает индивидуальная воля. С другой стороны, что, безусловно, связано с предыдущим, индивид не замыкается и не подчиняется полностью категорическому императиву, он творит его из себя, общее законодательство меняется на индивидуальное, то, что разумно, становится зависимым

---

⁴ Шлюхтер причисляет социологию Вебера к «кантиазирующей социологии» (eine kantianisierende Soziologie) в противоположность «социологическому кантианизму» (ein soziologische Kantianismus), к которому он причислял Дюркгейма, см.: (Schluchter 1991: 208).

от волевых решений и усилий личности. Следует кратко рассмотреть, как Шлюхтер развивает все эти положения.

Анализируя взгляды Вебера в области проблем нормативности, Шлюхтер отмечает их близость к идеям Зиммеля. Исследователь особенно отмечает родство позиций на примере уже упомянутой выше работы последнего «Индивидуальный закон». Шлюхтер утверждает, что в духе Зиммеля для Вебера было также действительно утверждение: «Та воля является доброй, которая в любое мгновение способна определить сама себя согласно индивидуальному закону» (Там же: 259). Но у Вебера разумное начало при этом не становится подчиненным, а продолжает играть важнейшую, определяющую роль при разработке категорического императива, так как «закон является им в той мере, насколько я признаю, что он исполняется мною во всякое время последовательно и без самообмана» (Там же). Отсюда, сравнивая первую формулировку категорического императива Канта — «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» (Кант 1994: 409) — с идеями Вебера, Шлюхтер выводит для последнего другую формулу: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа индивидуального законодательства» (Schluchter 1991: 260). Законодательство отсюда имеет не общий (обеспеченный единством разума) характер, а исходит от индивида. При сохранении формального характера меняется направление, императив идет не от единого разума через всеобщее законодательство к воле отдельного индивида, а от воли индивида через критическое рассмотрение разума, которое включает столкновение с другими позициями и критический диалог. Исследователь пишет: «К важнейшим элементам позиции Вебера в этике принадлежит утверждение, что этическое отнесение к ценностям может быть посредством разума критикуемо, но не обосновываемо» (Там же: 261). По причине того, что законодательство покоится на индивиде, никакого установленного раз и навсегда всеобщего законодательства быть не может. Шлюхтер развивает из этой позиции важнейшее

значение дискуссии, столкновение различных позиций. Ученый сравнивает это с дискурсивной этикой К.-О. Апеля и Ю. Хамбермаса, подчеркивает открытый характер этических требований Вебера. Более того, он выделяет личностный момент, так как индивидуальность, которая заслоняется порой его всеобщим законодательством, выходит на передний план. Согласно Шлюхтеру, происходит «индивидуальная модификация всеобщего закона» (Там же: 267), т. е. «образование индивидуального закона, который может развиваться исключительно из So-Sein человека» (Там же).

Между категорическим императивом и категорическими императивами

Две попытки реконструкции продемонстрировали, что у исследователей возникло два принципиально отличных друг от друга представления о роли и значимости идей Вебера в области нормативности. Во многом противоположные подходы не разрушают друг друга, но едва ли можно их охарактеризовать как взаимодополняющие. Более точно можно было бы выразить их веберовской метафорой «вечной борьбы богов», т. е. подходы борются друг с другом. Роль борьбы уже была подчеркнута выше. У Штрауса в его рассмотрении, возможно, в силу его изначальной установки и/или из-за меньшего объема посвященного Веберу текста, этот момент затушевывается, отступает на задний фон. Для него борьба — это в первую очередь различие, несовпадение, то, что ведет к нигилизму. Шлюхтер более подробно останавливается на этой идее. У него борьба является непосредственным участником обсуждения, самой сутью диалога о ценностях, он пишет: «Дискуссия о ценности (Wertdiscussion) не является инстанцией, которая властвует над борьбой богов. Она образует соответствующий медиум, через который эта борьба и может себя рационально осуществить» (Там же: 310). Фактически, исследователь включает противоположное мнение

своего оппонента. Это не значит, что любое, самое вздорное построение стоит рассматривать, речь идет о логически последовательных позициях, которые отличаются не только последовательностью рассуждений, но и целостным характером, рефлексивной проработанностью своих изначальных ценностных ориентаций. Критика может отвергнуть ценностную концепцию или ее обоснование, но есть грань, за которой разум уже бессилён. При соблюдении этих условий категорический императив, согласно Веберу, вероятно, может изменяться, ведь он не спускается сверху из области единого для всех разума. Но и Шлюхтер не сделал момент борьбы центральным для идеи «категорического императива Вебера».

Категорический императив возникает как индивидуальный закон. Следовательно, он един и он множественен. Это наглядно демонстрируют известные цитаты из суждений Вебера, где наряду с констатацией множественных богов речь идет о служении выбранному, единому Богу. От «политеизма ценностей» через этический дуализм добра и зла (Вебер обозначает это также как дуализм «Бога и дьявола»), требующий совершения выбора, человек приходит к «монотеизму» служения своему личному призванию. Такая последовательность проистекает из попытки реконструкции императива и исходя из перспективы отдельной личности, но остается вопрос: а если исходить «извне», если исходить из функционирования и развития общественных институтов?

Категорический императив Канта ассоциируется с моралью, с практическим разумом. Однако, обоснованность не только самого единства практического разума, но и замкнутость нормативности на сфере единой, всеми признаваемой этики вызывают сомнения у Вебера. Поэтому он почти не использует слово «разум», а заменяет его понятием «рациональность», при этом и разными ее видами. На место царства необходимости и свободы он вводит множественность ценностных сфер, которые, согласно американскому исследователю Г. Оуксу, определяются через следующие черты: 1) наличие своей собственной высшей ценности; 2) автономность, т. е. функционирование

согласно своему внутреннему законодательству (Eigengesetzlichkeit); 3) непримиримая, вечная борьба с другими ценностными сферами (Oakes 2001 и Oakes 2003). Осмысление этих черт приводит к заключению, что каждая ценность продуцирует свою императивность. Как пишет датский исследователь Г. Г. Бруун, у Вебера каждая ценностная сфера «имеет свой собственный категорический императив» (Bruun 2010: 60), а следовательно, и свою собственную «этику». Это становится центральным моментом при критике рассмотрения сферы этики как главенствующей и общей для всех. Именно об этом следующие слова Вебера: «Этика не единственная сфера, обладающая "значимостью", наряду с ней существуют и другие сферы ценностей, и эти ценности может подчас реализовать лишь тот, кто берет на себя "вину" в этическом смысле» (Вебер 1990b: 562). Эти слова возвещают о конце общей этики и рождении разных равнопорядковых «этик». Но Вебер кладет предел релятивизации и субъективации, которая может стать выводом провозглашаемого плюрализма.

Тут следует подчеркнуть, что немецкий мыслитель сознательно не делает акцент на творении «императива», иначе это субъективировало бы его мысль и предвосхитило то, что будет «открыто» чуть позже экзистенциалистами. Индивид выбирает свой категорический императив, и, выбирая, он творит его, но определенный момент предзаданности существует, что отличает мысль Вебера от озвученной впоследствии Сартром идеи абсолютной свободы. Немецкий мыслитель не стремится разрешить проблему объективности и субъективности, абсолютности и относительности, необходимости и свободы, воли и разума. Он не пытается объединить перспективу рассмотрения источника императивности из личности и из общественных институтов. У него вообще отсутствует цель сгладить, редуцировать, «монотеизировать». В этом его ключевое отличие от множества философов и в том числе от Канта. В работах Вебера очень нагляден и заметен резкий переход от строгих последовательных научных построений до метафорических, не скрывающих противоречий

идей об этическом и ценностном. Мыслитель выводит эти противоречия и подчеркивает конфликты между ними, которые становятся центральным образующим моментом его «категорического императива». На место императива, который несет единство, гармонию, мир практическому (да и чистому разуму), он ставит императив, который может привести к этической «вине».

Учитывая вышеизложенное, формулировка «категорического императива Вебера» должна быть дополнена подчеркиванием значимости борьбы и может выглядеть следующим образом: «Выбирай и участвуй в “вечной борьбе” за свой идеал/ценность/бога так, чтобы идеал/ценность/бог, выбранный через твою волю, мог иметь силу принципа индивидуального законодательства». Эта формула не является общезначимым выражением морального закона, скорее, это условие, без которого, согласно Веберу, невозможен выход в область нравственного поступка, но нравственным его может сделать только неартикулируемый в общих понятиях индивидуальный закон.

Заключение. Императив борьбы

Перед императивностью и формулой категорического императива ставится задача без упразднения индивидуальности вывести мораль за рамки случайного субъективного выбора. В этической мысли одним из существенных моментов является напряжение между крайностями. С одной стороны, нравственные правила подчиняются общему закону, что может принимать вид натурализма, панморализма, редукционизма и/или тоталитаризма. С другой стороны, крайность представляет предельный субъективизм, релятивизм, где моральное суждение сводится к произвольным вкусовым предпочтениям. Мыслители в области этики по-разному пытались подойти к решению этой проблемы, что зависело от философской традиции и личных предпочтений исследователя.

Порой данная дилемма считалась в принципе неустранимой, например, для живущих в эпоху «после добродетели» (А. Макинтайр), либо в пространстве буржуазного общества (О. Г. Дробницкий). Вебер во многом задал координаты для «масштабирования» современной культуры (что признавал тот же Макинтайр⁵), поэтому его идеи в области этики представляют особый интерес.

Как попытался продемонстрировать автор выше, «категорический императив Вебера» может быть представлен в системах разных координат. Надо только отметить, что для обоих рассмотренных подходов идеи немецкого мыслителя представляли существенный и актуальный интерес. Для Штрауса это было связано с тем, что у Вебера нашла свое яркое выражение релятивистская тенденция, обозначившаяся в современном мире, а у Шлюхтера идеи немецкого ученого рассматриваются как проект для возможной новой этической концепции. Неутихающий интерес к наследию ученого, повторяющиеся с регулярной периодичностью «ренессансы Вебера» (Гайденко, Давыдов 2006), позволяют сделать определенные выводы. Индивидуальный закон оказывается за рамками веры в единство разума и признание его исключительности как начала морали в человеке. Защитой от крайностей релятивизма и субъективизма становится готовность к борьбе за свои индивидуальные ценности и идеалы, последовательному их осуществлению и универсализации, но без надежды на конечный успех.

Если «категорический императив Вебера», в котором некоторые исследователи видели «крушение разума» (Maskinnon 2001), не стал теоретической схемой, то он с полным правом может рассматриваться как попытка выразить принцип борьбы, идея которого пронизывала полный катастрофами и насилием XX век. Не случайно, борьба стала важнейшим моментом

---

⁵ Он писал: «Современное видение мира, по моему предположению, является по большей части веберовским, хотя это не всегда верно на уровне деталей» (Макинтайр 2000: 150).

у таких разных политических фигур, как А. Гитлер и М. Ганди. Автор статьи понимает опасность идеологии борьбы, но позволяет себе заметить, что в свете отмеченного акцента на индивидуальном идее Вебера располагаются, без сомнения, гораздо ближе к взглядам Ганди. Признавая «вечную борьбу», немецкий ученый пытался развить идеи личной ответственности, свободы от иллюзий, опоры на индивидуальную рациональность, что в корне противостояло массовым тоталитарным идеологиям. Удержаться от релятивизма «бездушных профессионалов и бессердечных сластолюбцев», от обмана, заменяющего старые религии, от массовых идеологических движений, остаться в этот век человечным и есть трудная, требующая постоянных усилий моральная задача. Но, безусловно, уход от борьбы, акцент на согласии потребует новой формулировки «категорического императива».

Литература

1. Вебер, М. (1990а). «Протестантская этика и дух капитализма». В кн.: Вебер, М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 704 с.
2. Вебер, М. (1990b). «Смысл "свободы от оценки" в социологической и экономической науке». В кн.: Вебер, М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 704 с.
3. Гайденок, П. П., Давыдов, Ю. Н. (2006). *История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс*. М.: КомКнига. 368 с.
4. Зиммель, Г. (2006). «Индивидуальный закон (К истолкованию принципа этики)». В кн.: Зиммель, Г. *Избранные работы*. Киев: Ника-Центр. 440 с.
5. Кант, И. (1994). «Критика практического разума». В кн.: Кант, И. *Собрание сочинений в восьми томах. Юбилейное издание, т. 4*. М.: Издательство «ЧОРО». 630 с.
6. Штраус, Л. (2007). *Естественное право и история*. М.: Водолей Publishers. 312 с.
7. Bruun, H. H. (2010). "The Incompatibility of Values and the Importance of Consequences: Max Weber and the Kantian Legacy". *The Philosophical Forum* 41(1–2): 51–67.

8. Honigsheim, P. (2006). *The unknown Max Weber*. New Jersey: Transaction Publishers. 290 p.
9. Mackinnon, M. (2001). "Max Weber's Disenchantment". *Journal of Classical Sociology* 1(3): 329–351.
10. Oakes, G. (2001). "The Antinomy of Values. Weber, Tolstoy, and the Limits of Scientific Rationality". *Journal of Classical Sociology* 1(2): 195–211.
11. Oakes, G. (2003). "Max Weber on Value Rationality and Value Spheres". *Journal of Classical Sociology* 3(1): 27–44.
12. Schluchter, W. (1991). *Religion und Lebensführung. Band 1. Studien zu Max Webers Kultur- und Werttheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 390 S.
13. Schwaabe, C. (2002). *Freiheit und Vernunft in der unversöhnten Moderne: Max Webers kritischer Dezionismus als Herausforderung des politischen Liberalismus*. München: Wilhelm Fink Verlag. 372 S.

References

1. Bruun, H. H. (2010). "The Incompatibility of Values and the Importance of Consequences: Max Weber and the Kantian Legacy". *The Philosophical Forum* 41(1-2): 51–67.
2. Gaydenko, P. P., Davydov, Yu. N. (2006). *Istoriya i ratsional'nost'. Sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskiy renessans* [History and rationality. Sociology by Max Weber and Weber' renaissance]. Moscow: KomKniga Publ. 368 p.
3. Honigsheim, P. (2006). *The unknown Max Weber*. New Jersey: Transaction Publishers. 290 p.
4. Kant, I. (1994). "Kritika prakticheskogo razuma" [Critique of Practical Reason]. In: Kant, I. *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh. Yubileynoe izdanie* [Collected works in eight volumes. Anniversary edition]. vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo «ChORO» Publ. 630 p.
5. Oakes, G. (2001). "The Antinomy of Values. Weber, Tolstoy, and the Limits of Scientific Rationality". *Journal of Classical Sociology* 1(2): 195–211.
6. Oakes, G. (2003). "Max Weber on Value Rationality and Value Spheres". *Journal of Classical Sociology* 3(1): 27–44.
7. Schluchter, W. (1991). *Religion und Lebensführung. Band 1. Studien zu Max Webers Kultur- und Werttheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 390 S.

8. Schwaabe, C. (2002). *Freiheit und Vernunft in der unversöhnten Moderne: Max Webers kritischer Dezionismus als Herausforderung des politischen Liberalismus*. München: Wilhelm Fink Verlag. 372 S.
9. Shtraus, L. (2007). *Estestvennoe pravo i istoriya* [Natural right and history]. Moscow: Vodoley Publishers. 312 p.
10. Veber, M. (1990a). "Protestantskaya etika i dukh kapitalizma" [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. In: Veber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ. 704 p.
11. Veber, M. (1990b). "Smysl «svobody ot otsenki» v sotsiologicheskoy i ekonomicheskoy nauke" [The meaning of "freedom of assessment" in the sociological and economic science]. In: Veber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ. 704 p.
12. Zimmel', G. (2006). "Individual'nyy zakon (K istolkovaniyu printsipa etiki)" [Individual law (to the interpretation of the principle of ethics)]. In: Zimmel', G. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Kiev: Nika-Tsentr Publ. 440 p.
13. Mackinnon, M. (2001). "Max Weber's Disenchantment". *Journal of Classical Sociology* 1(3): 329–351.